

СЕРГЕЙ МОШКИН

Дискуссия о «красной интервенции»

К истории взаимоотношений Л. Д. Троцкого
и «военных марксистов»

Ни одна идея не обсуждалась в большевистских кругах столь живо, как идея мировой революции и роли в ней Красной армии. Большевики исходили из убеждения, что первое государство рабочих и крестьян будет иметь право и даже обязанность нападать с применением вооруженной силы на буржуазные страны, едва для этого представится возможность. «Мы, которым история раньше других вручила победу, — заявлял Л. Д. Троцкий в марте 1918 года, — при первом раскате мировой революции должны быть готовы вынести военную помощь нашим восставшим иностранным братьям»¹.

За время Гражданской войны идея «земшарной республики Советов» не была забыта. Напротив, военные успехи в борьбе с внутренней контрреволюцией и интервентами в первые послеоктябрьские годы вызывали у большевиков своего рода победную эйфорию и укрепили в сознании ростки революционного мессианства. Они искренне считали, что бодрым армейским строем человечество сможет

войти в светлое будущее. «Победы еще нет, — говорил на V конгрессе Коминтерна его председатель Г. Е. Зиновьев, — и нам предстоит еще завоевать $\frac{5}{6}$ земной суши, чтоб во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик»². Именно тогда зародилась традиция использовать вооруженную силу или другую военную помощь для демонстрации так называемой пролетарской солидарности.

Среди военных и политических руководителей тех лет очень популярным был тезис о том, что все войны, которые предстоят Советской республике, будут революционными. Отсюда делался вывод, что в случае войны с коалицией капиталистических государств стратегия Рабоче-Крестьянской Красной армии должна носить исключительно наступательный характер.

Первым из большевиков, кто попытался на теоретическом уровне обосновать необходимость наступательной революционной войны, был Н. И. Бухарин. Проследим за ходом его рассуждений. Война, пишет Бухарин, есть функция государства. Государства, а не народы и не нации, ведут

¹ Л. Д. Троцкий. Советская Республика и капиталистический мир. — **Он же**. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. М.; Л., 1926. С. 229.

² «V Всемирный конгресс Коминтерна: Стенографический отчет». Ч. 2. М.; Л., 1925. С. 9.

войну, используя живую силу народов. Поскольку само государство как аппарат есть средство укрепления и расширения определенных производственных отношений, «то ясно, что война и производит в первую голову эту работу». В борьбе государств, продолжает Бухарин, выражается борьба определенных производственных базисов, персонифицированных в господствующем классе этих государств. Каждая производственная структура имеет адекватный тип государственной власти, а следовательно — и адекватный тип войны. «Война, — по Бухарину, — с социологической точки зрения есть средство воспроизводства тех производственных отношений, на основе которых она возникает»³. Поскольку каждый производственный тип имеет и соответствующий тип государства, то и каждому типу государства соответствует совершенно определенный тип войны.

Так было, к примеру, во времена рабовладельческого государства, когда война была не чем иным, как средством расширения рабовладельческого строя, средством расширения и воспроизводства рабовладельческих производственных отношений. Так называемые колониальные войны, продолжает Бухарин, были войнами торгово-капиталистических государств; их социальная роль сводилась к расширению торгово-капиталистических производственных отношений. Наконец, когда капиталистический способ производства породил особый тип государственной власти — «разбойничье империалистское государство», социальная роль войны стала заключаться в расширении сферы господства финансового капитала. И вот здесь Бухарин подходит к само-

му важному для себя выводу: «Точно так же обстоит дело и тогда, когда войну ведет социалистическая диктаторская власть. Рабочее государство, ведя войну, стремится расширить и укрепить тот хозяйственный базис, на котором оно возникло, то есть социалистические производственные отношения (отсюда, между прочим, ясна принципиальная допустимость даже наступательной революционно-социалистической войны)»⁴.

Бухарин будет и впредь отстаивать право Советской России на революционную наступательную войну и так называемую «красную интервенцию», полагая, что «пролетарское государство может вести войну с целью экспансии и что это означает расширение социалистического базиса. Так называемая завоевательная война со стороны этого пролетарского государства есть продолжение революции, революции в государственной форме»⁵. А в проект программы Коминтерна он внес тезис о том, что Коминтерн «признает право пролетарских Республик на интервенцию в пользу угнетенных и эксплуатируемых»⁶, ибо «распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»⁷.

Было бы неверным полагать, что столь откровенно экспансионистские настроения были свойственны только одному Бухарину. Идеи «красного империализма» имели широкое хождение в партии и закономерно проникали в сознание «красной профессуры». Так, тогда еще молодой

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Цит. по: «Бухарин: человек, политик, ученый». М., 1990. С. 182.

⁶ «К вопросу о Программе Коммунистического Интернационала (Материалы)». М., 1924. С. 65.

⁷ «IV Всемирный конгресс Коминтерна: Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923. С. 83.

³ Н. И. Бухарин. Экономика переходного периода. Ч. 1. М., 1920. С. 24.

ученый, впоследствии ставший крупным военным юристом, Е. А. Коровин в своей монографии «Международное право переходного времени» писал: «Учитывая специально классовый характер всех войн социалистического государства, Советская власть, выступая в качестве оккупанта... оказывает всемерное содействие стремлению местных трудящихся масс к организации общественности на социалистических началах». Далее Коровин доказывал, что Гаагский оккупационный кодекс, предписывающий сохранение незыблемости государственного уклада на оккупированной в ходе войны территории, для Советской власти оказывается непригодным, так как «красная оккупация всегда является актом справедливым и полезным, поскольку его осуществляет социалистическое государство»⁸.

Предложение Бухарина внести в программу Коминтерна тезис о праве на красную интервенцию было отклонено настоятельными усилиями К. Б. Радека. Однако тот же самый Карл Радек, значительная фигура в большевистской партии и Коминтерне, популярный в те годы партийный публицист, отмечал: «В статьях Бухарина нас интересует не абсолютно верные теоретические доказательства того, что революционное нападение с оружием в руках не только принципиально допустимо, но даже обязательно.., но то обстоятельство, что для автора речь идет не о революционной философии вообще, но об актуальном философствовании со штыком в руках»⁹. Не это ли «философствование со штыком в руках» послужило причи-

ной того, что советское государство было инфицировано милитаризмом и экспансионистским духом уже в первые дни революции?

Между тем сразу же по окончании Гражданской войны начинается радикальное сокращение рядов Красной армии. Сокращение армии сопровождалось переходом к милиционной системе. Однако милиционными формированиям было суждено воплощать в себе не родовые черты нового общественного строя, не его социально-экономические преимущества — хотя это и было созвучно марксистскому лозунгу о всеобщем вооружении народа, а прежде всего слабость советского государства. Слабость, сказавшаяся на уровне материальной и финансовой обеспеченности вооруженных сил. Содержание регулярной армии было для республики чрезвычайно обременительным делом. Переход к милиционной системе вместе с тем демонстрировал неизбежные тенденции превращения Красной армии из орудия «красной экспансии» в орудие «социалистической самообороны», поскольку использовать потенциал милиционной части войск можно, лишь не исповедуя никаких наступательных идей. Однако уже с середины 1921 года, то есть в промежутке между X и XI съездами РКП(б), ситуация стала меняться.

В руководящем составе Красной армии того времени имелась влиятельная группа, которая переоценивала опыт Гражданской войны, особенно ее наступательных операций, и, соответственно, смотрела на будущие войны с точки зрения этих операций. Правда, тогда вообще предпочитали не вспоминать, что Гражданская война для большевиков состояла не только из одних победных наступлений Красной армии.

⁸ Е. А. Коровин. Международное право переходного времени. М., [б. г.]. С. 131.

⁹ К. Б. Радек. Пять лет Коминтерна. Ч. 2. М., 1924. С. 98.

Индикатором этих настроений послужила статья М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия» (июль 1921 года). Она положила начало обостренной полемике между теми, кто в качестве ведущей стратегической функции вооруженных сил социалистического государства считал оборону, и теми, кто в основе ведущих функций армии видел наступление.

Сам Фрунзе на тот период принадлежал к числу последних. Апеллируя к опыту Гражданской войны, он полагал необходимым воспитывать армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач мировой революции путем энергичных,

ктрину революционной наступательной войны. Такая доктрина, по его мнению, вытекала из самой сути государства диктатуры пролетариата, направленной на уничтожение капиталистических отношений и замену их социалистическим строем. Даже признание тяжелого экономического положения республики не меняло ориентации Фрунзе на ведение РККА наступательных действий, поскольку «самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка»¹¹. Примерно в то же время Фрунзе писал: «Между нашим

Надо сказать, что действительная роль Троцкого в разработке военной доктрины Советской России до сих пор недостаточно освещена в исследовательской литературе.

решительных и смело проводимых наступательных операций. В основу всей пропаганды Фрунзе требовал положить идею «неизбежности активной борьбы с классовым врагом» и стратегический принцип «Победит лишь тот, кто найдет в себе решительность наступать; сторона, только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение»¹⁰. А потому общая политика рабочего класса, стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может не быть активной в самой высокой степени.

Более того, Фрунзе считал необходимым создать специальную до-

пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние: долгой, отчаянной войны не на живот, а на смерть... И нужно до конца осознать и открыто признать, что совместное существование нашего пролетарского государ-

ства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно»¹².

Если в «партии нападения» лидировал Фрунзе, то «партию обороны» возглавлял тогдашний председатель РВС и наркомвоенмор республики Троцкий. Именно против его позиции были направлены все главные критические положения доклада Фрунзе на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б). В разделе доклада, озаглавленном «Все — для наступления», Фрунзе заявил: «...я скажу Троцкому, что, чем скорее он выкинет из своей брошюры... все эти рассуж-

¹⁰ М. В. Фрунзе. Единая военная доктрина и Красная Армия. — Он же. Избранные произведения. М., 1984. С. 45.

¹¹ Там же.

¹² «Красная новь». 1921. № 2. С. 101.

дения... прославляющие оборону, тем будет лучше»¹³.

Надо сказать, что действительная роль Троцкого в разработке военной доктрины Советской России до сих пор недостаточно освещена в исследовательской литературе. Очевидно, однако, что именно Троцкий выступил инициатором перехода Красной армии на милиционную систему, а равно и на оборонительную доктрину и был противником всякого необдуманного использования военной силы в осуществлении задач мировой революции. Он выступал категорически против создания доктрины революционной наступательной войны и выведения ее, как это делал Фрунзе, из классового характера пролетарского государства. Он указывал на невозможность постановки перед Красной армией наступательных боевых задач как в связи с ослаблением международного революционного движения, так и в связи с тяжелейшим внутренним положением страны, усталостью трудящихся от войн и лишений. Идея наступательной революционной войны, считал глава военного ведомства, не найдет отклика в сознании красноармейцев, поскольку они уверены, что Красная армия развязывать войну не собирается, а готовится для того, чтобы обороняться, если последует нападение извне. Поэтому в основу пропаганды, по мнению Троцкого, должен быть положен лозунг обороны.

В то же время Троцкий отмечал, что не следует скрывать от трудящихся и Красной армии принципиальное признание большевиками возможности наступательной революционной войны «в тех условиях, когда она может содействовать освобождению

трудящихся в других странах». Но одновременно не следует забывать, настаивал Троцкий, что «роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение». Главным же фактором победы является развитие революционного процесса внутри самих капиталистических стран. Поэтому, назвав сторонников развертывания наступательной революционной войны «нетерпеливыми стратегами», он обвинил их в стремлении «переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского “последнего решительного боя” на плечи Красной Армии»¹⁴. Тем самым Троцкий высказался против ведущей роли советских вооруженных сил в достижении победы мировой революции. В отличие от Фрунзе, пытавшегося с помощью наступательной войны ускорить революционную развязку на международной арене, он считал возможным ее ведение лишь в условиях нового революционного подъема.

Кроме того, Троцкий решительно выступил против попыток вывести из революционной природы рабочего класса некую особую, «пролетарскую», революционную стратегию, якобы принципиально отличающуюся от буржуазных способов ведения войны. В годы Гражданской войны, подчеркивал он, наступательная маневренная стратегия с успехом применялась обеими сторонами и была обусловлена объективными обстоятельствами — обширностью охваченной войной территории и относительной малочисленностью войск. Однако стремление абсолютизировать те черты стратегии и тактики, которые

¹³ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. С. 92—93.

¹⁴ Л. Д. Троцкий. Как вооружалась революция. — Он же. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. М., 1925. С. 226, 227, 225.

характеризовали РККА в 1918—1920 годах, «могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым»¹⁵. В частности, отмечал Троцкий, навязывание Красной армии лишь наступательной стратегии явилось бы колоссальной ошибкой, стратегией авантюризма, ведущей к неоправданным многочисленным жертвам. Он ратовал за признание правомерности стратегического отступления и более того — отдавал предпочтение обороне войск на первом этапе войны. Стратегическая оборона, по мнению наркома, позволяла выиграть время для развертывания мобилизации и перехода в контрнаступление, исходной линией которого должен быть «рубеж, отстоящий на значительное расстояние от нашей государственной границы»¹⁶.

Важнейший вывод Троцкого состоял в том, что победа достается не тому, кто наступает первым, а тому, кто наступает тогда, когда это диктуется обстановкой. Будущие войны потребуют многообразных способов их ведения: наступления и обороны, маневренности и позиционности. Начавшись как оборонительная, война может в дальнейшем превратиться в наступательную. Соответственно наркомвоенмор требовал готовить Красную армию ко всем возможным вариантам действий, обратив особое внимание на такое слабое место в ее боевом опыте, как защита укрепленных пунктов. Он подчеркивал, что не выдумывание особой стратегии и тактики, восполняющих своими специфическими чертами техническую отсталость РККА, а улучшение технического оснащения, повышение боевой выучки войск, наконец развитие социалистического хозяйства и повышение культурного уровня трудя-

щихся в целом создадут условия для обогащения военного дела «новыми приемами, новыми методами»¹⁷.

В ходе дискуссии 1921—1922 годов партия под влиянием авторитета Троцкого не приняла «пролетарской военной доктрины» в варианте Фрунзе. Напротив, в постановлении XI съезда РКП(б), на котором специально обсуждался данный вопрос, подчеркивалась оборонительная функция армии. В ответ Фрунзе несколько скорректировал свои взгляды и пошел на ряд уступок Троцкому. Он был вынужден признать необходимость подготовки армии ко всем возможным способам ведения военных действий — позиционным, оборонительным и даже к отступлению. Однако такого рода операции Фрунзе оценивал лишь как части общего плана наступления, придав им тем самым второстепенное, подчиненное значение. И поэтому предлагал руководству РККА, «кроме самых необходимых, никаких оборонительных работ не производить». Ссылаясь на Маркса, он констатировал: «...наступление является самым лучшим видом обороны» и обосновывал необходимость нанесения первого удара по противнику тем, что «сторона, держащая инициативу, сторона, имеющая в своем распоряжении момент внезапности, часто срывает волю противника и этим самым создает более благоприятные для себя условия»¹⁸.

Апелляция к Марксу была излюбленным приемом Фрунзе в ходе той дискуссии. Говоря о необходимости создания единой военной доктрины советского государства, он выдвинул идею, что такая доктрина должна представлять собой совокуп-

¹⁵ Там же. С. 229.

¹⁶ Там же. С. 265.

¹⁷ Там же. С. 269.

¹⁸ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957. С. 47, 49.

ность взглядов, «связанных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений»¹⁹. Троцкий отреагировал тогда незамедлительно и резко, квалифицировав попытку строить специальную область военного дела с помощью марксистского метода как величайшее заблуждение, чреватое вреднейшими последствиями: «...нельзя научиться сражаться “по Марксу”. Тому, как применять внезапность, когда это нужно, ...марксизм не научит»²⁰. Но критика Троцкого лишь ненадолго приостановила деятельность Фрунзе в данном направлении. Позднее, в 1924—1925 годах, уже заняв пост заместителя наркома, а затем и наркомвоенмора СССР, Фрунзе на основе не только марксизма, но и ленинизма «доказал» необходимость применения Красной армией в будущих сражениях исключительно наступательной стратегии и тактики.

Указывая на неизбежно классовый характер будущей войны, Фрунзе утверждал, что «ключ» к решению важнейших военных вопросов, и прежде всего вопроса о способах ведения военных действий, лежит в стратегии и тактике пролетарской борьбы — в ленинизме. Центральное место в его рассуждениях занимали взгляды Ленина на вооруженное восстание как искусство, главное правило которого — «оборона есть смерть всякого вооруженного восстания», «нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс»²¹. Так Фрунзе утвердил большевистско-ленинскую идеологию в военном деле, обосновав тем самым исключительную роль наступательной стратегии. Перед войной ему ставили

это в большую заслугу и удостоили звания «выдающегося марксистского теоретика военного дела»²².

Другим ярким представителем «военного марксизма» и сторонником Фрунзе в ходе дискуссии с Троцким был М. Н. Тухачевский. Его имя среди военных и политических руководителей Советской республики, желавших силой штыка навязать революцию соседним странам, занимало особое место. Он был ведущим советским военным теоретиком 1920—1930-х годов, одним из создателей большевистской концепции революционной наступательной войны. До самой смерти Фрунзе в 1925 году Тухачевский видел в нем своего наставника и во многом был обязан ему головокружительной карьерой военачальника.

Ведущее место в теоретических размышлениях и практической деятельности Тухачевского занимали вопросы использования армии в революционной борьбе и методы решения политических задач с помощью вооруженного насилия. Тухачевский считал, что Красная армия сыграет решающую роль в мировой социалистической революции. С ее помощью не только допустимо, но и необходимо расширять границы пролетарского государства. Еще в январе 1920 года он подготовил большую статью «Политика и стратегия в гражданской войне», где впервые затронул вопрос о мировой революции и роли в ней Красной армии. Одно-единственное социалистическое государство, писал командарм, «или должно погибнуть под ударами буржуазии, или должно распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире»²³.

¹⁹ Там же. С. 58.

²⁰ Л. Д. Троцкий. Как вооружалась революция. С. 277.

²¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. 2. С. 204, 205.

²² «Большевик». 1940. № 19—20. С. 60.

²³ М. Н. Тухачевский. Война классов. Статьи 1919—1920 гг. М., 1921. С. 32—33.

Эти идеи экспорта революции Тухачевский развил в «Письме к товарищу Зиновьеву» (июль 1920 года), в котором настаивал на разработке особой теории мировой гражданской войны и внесении ее в программу Коминтерна. Он писал председателю Коминтерна (учитывая важность документа, приведем его почти полностью): «Создание науки о гражданской войне явится лишь развитием основных положений теории революции Маркса. ...Маркс заканчивает диктатурой пролетариата. Стратегия гражданской войны есть продолжение этой теории и исследует военные формы и средства, которыми восставший пролетариат защищает и распространяет свою диктатуру вплоть до отмирания государства, классов и армии»²⁴. Свои «дополнения к Марксу» Тухачевский изложил в нескольких пунктах: «1) Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно; 2) из положения первого вытекает, что государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира; 3) источником комплектования армии является пролетариат всего мира, независимо от национальности; 4) социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы в скрытом виде». Далее Тухачевский предлагал создать Генеральный штаб Коммунистического Интернационала, открыть ряд учебных заве-

дений и Академию Генштаба для подготовки командного состава армий всех национальностей на их родном языке²⁵.

Тогда же, в 1920 году, была опубликована еще одна статья Тухачевского под характерным названием «Революция извне», смысл которой сводился к доказательству необходимости экспортировать революцию из России. Примечательно, что эта работа Тухачевского в 1920-е годы была обязательной для изучения в Военной академии РККА. Развивая свою теорию «мировой гражданской войны», Тухачевский писал: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, — путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, — путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства»²⁶.

Допуская как вероятность, что революционное вторжение извне может столкнуться с трудностями из-за «неподготовленности рабочего класса и крестьянства к нашествию красных освободителей», Тухачевский настаивал: «Успех в ведении такой войны вовсе не безнадежен, наоборот... упорство со стороны социалистической неминуемо приведет к длительной борьбе, а это, в свою очередь, неминуемо повлечет за собой революционное разложение буржуазного строя». А значит, если «на эту войну решились, то ее надобно вести до конца, до намеченной победы». Поразительная способность Красной армии, продолжает Тухачевский, «разносить своим наступлением революцию и бесконечно пополняться за счет революционных масс всех наци-

²⁴ Там же. С. 138.

²⁵ Там же. С. 138–139, 140.

²⁶ Там же. С. 51.

ональностей и народов дает необычные возможности социалистической классовой стратегии. Она с полной уверенностью может почитать себя будущей победительницей над мировым капиталом»²⁷. Поэтому, заключает командарм, следует смелее использовать Красную армию как инструмент мировой пролетарской революции.

Идеи Фрунзе—Тухачевского, подержанные многими партийцами, отражали общие подходы к оценке роли Красной армии в осуществлении мировой революции. Их призывы к превращению страны в революционный плацдарм, открытая пропаганда экспорта революции и «красной оккупации» сопредельных территорий в итоге вылились в своеобразную теорию «красного империализма», пронизанную духом откровенного революционного экстремизма.

Так, еще один представитель «партии нападения» Н. Е. Какурин в книге «Стратегия пролетарского государства» (1921) писал, что цель классовой борьбы «потребуется вторжения в пределы территории, где угнетаемый класс нуждается в освобождении, поскольку, стоя на месте и бряцая оружием, нельзя будет никого освободить... Таким образом, характер будущих классовых войн всегда будет наступательным». Театром будущих столкновений для Какурина выступала бы вся та территория, «где пролетариат угнетается вне зависимости от границ политических и этнографических». При этом данные о степени назревания и роста революционного процесса внутри страны «будут решающими при обсуждении вопроса о выборе районов развертывания армий». Если данные окажутся благоприятными, то «развертывание армий можно будет перенести и выполнить непосред-

ственно на самих границах территории, в которую предстоит вторгнуться, что наиболее будет отвечать и характеру самой войны»²⁸. Дальнейшее развитие борьбы, полагал Какурин, напроочь сотрет существующие государственные границы — наследие буржуазного общества.

Борьба между «оборонцами» и «наступленцами» была по тем временам долгой и нелегкой. В начале 1924 года пленум ЦК РКП(б) принял решение о радикальном обновлении военного руководства. Заместителем Троцкого назначается Фрунзе. Уже тогда стало ясно: Сталин использует фигуру Фрунзе, чтобы «свалить» Троцкого с поста наркомвоенмора и председателя РВС СССР. В борьбе за политическое лидерство в партии противники Троцкого выдвинули самый уязвимый для него аргумент: обвинили в фактическом развале армии.

14 января 1924 года ЦК РКП(б) образует специальную комиссию для обследования состояния Красной армии. Председателем комиссии был назначен Фрунзе. Почти все члены комиссии имели свои счёты с Троцким — они представляли ядро будущей сталинской руководящей когорты. Комиссия решила, что в настоящий момент Красная армия небоеспособна и представляет собой скорее банду разбойников, нежели армию. Пленум ЦК, на котором Фрунзе доложил об итогах работы комиссии, признал нецелесообразным дальнейшее пребывание Троцкого в РВС СССР, чем предопределил снятие его с постов наркомвоенмора и председателя РВС СССР постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 января 1925 года. На оба освобожденных поста был назначен

²⁷ Там же. С. 56, 57, 59.

²⁸ Н. Е. Какурин. Стратегия пролетарского государства. М., 1921. С. 21—22, 15, 23.

Фрунзе, а К. Е. Ворошилов — тоже сторонник «пролетарской военной доктрины» — его заместителем. Одновременно в армии развернулось широкомасштабное обновление командных кадров. За несколько месяцев Фрунзе сменил почти половину членов РВС СССР. При этом он не только не отказался от лозунга революционной наступательной войны, но и отстаивал его необходимость в военной пропаганде, предложив лишь «не трубить об этом в газетах, на широких собраниях»²⁹.

На деле это означало восстановление стратегической ориентации Красной армии, до этого сдерживаемой Троцким, к ведению наступательных войн. Отныне основная стратегическая линия, по мнению нового наркома, должна быть направлена на «расширение нашей революции, укрепление диктатуры пролетариата в нашей победившей стране путем этого расширения, путем ее распространения на другие страны». Это предполагало при благоприятных международных условиях переход «пролетарской армии в решительное наступление»³⁰.

После гибели Фрунзе на операционном столе (версия об убийстве наркома по указанию Сталина так и осталась недоказанной) ему на смену пришел Ворошилов. Тухачевский, ставший к тому времени начальником штаба РККА и членом РВС СССР, издает работу под названием «Вопросы современной стратегии» (1926). По замыслу автора, книга должна была сообщить о взглядах, которые исповедовало и намеревалось проводить в жизнь новое военное руководство.

В контексте исследуемой темы наиболее важным в этой работе явилось то, что автор полностью подтвердил неизменность стратегической цели Красной армии, направленной на ведение наступательных революционных войн. Тухачевский откровенно писал: «В современных условиях... захват новой территории интересен не только как голый факт завоевания. В наших советских условиях эта задача представляется еще более важной... Ведь каждая занятая нами территория является после занятия уже советской территорией... Мы таким образом расширяем нашу территорию и вместе с тем расширяем не только наш базис войны, но и социалистический базис вообще»³¹.

Одновременно он подверг резкой критике тех советских военных специалистов, которые полагали, что грандиозные потери в будущей войне делают безрассудными всякие разговоры о военных победах и достижениях, и потому вопросы соперничества между государствами должны быть сведены к экономическому состязанию и ни в коем случае не идти дальше этого последнего. «Упаднические», «мрачные», «упрощенные» — так квалифицирует эти настроения Тухачевский и заявляет, что «только неверие в социализм, в наше будущее развитие может привести к тому военному нигилизму, который отрицает возможность военным путем изменить соотношение сил, слагающее в настоящее время»³².

Против кого были направлены критические стрелы Тухачевского, догадаться не трудно. «Троцкизм» уже в те годы ассоциировался в советской пропаганде только с «предатель-

²⁹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. 2. С. 94.

³⁰ Там же. С. 137, 206.

³¹ М. Н. Тухачевский. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 258–259.

³² Там же. С. 257.

ством», причем главное обвинение состояло в том, что, отстаивая стратегию обороны, «троцкисты» якобы предрекали неизбежность поражения СССР в войне с капиталистическим миром. Что же касается самого Троцкого, то поражение в дискуссии с «военными марксистами» обернулось для него не только снятием со всех партийных и государственных постов, последующим изгнанием из страны и гибелью, но и послужило причиной широкомасштабной кампании лжи, развернутой против бывшего наркомвоенмора, особенно в предвоенные годы.

А между тем оппоненты Тухачевского, сторонники стратегической обороны в будущей войне, предостерегали его от упования на быстрые успехи в расчете на идеологические лозунги, на реализацию идей «стратегии сокрушения», которая якобы позволит решить исход войны блестящей серией наступательных операций в короткие сроки. С ними Тухачевский расправлялся безжалостно. В ход шли политические ярлыки и тяжкие обвинения: «В области нашей военной литературы мы, к сожалению, зачастую наблюдаем влияние буржуазной идеологии, оппортунизма и упадничества»³³.

Особенно Тухачевский сосредоточился на критике положений доктрины профессора А. А. Свечина — опытнейшего генштабиста дореволюционной школы, ставшего в конце 1920-х годов лидером «партии стратегической обороны» среди советских военных теоретиков. Выдвинутая Свечиным теория стратегической обороны в будущей европейской стране, подчеркивал Тухачевский, «целиком и полностью направлена против революцион-

ных войн... является не чем иным, как стратегическим выражением таких политических настроений, которые противодействуют возможности низвержения буржуазных государств со стороны Советского Союза»³⁴. В апреле 1931 года на специальном заседании секции Комакадемии по проблемам войны Тухачевский, разбирая «реакционную теорию» арестованного к тому времени профессора, заявил: «Свечин марксистом не был и никогда им не хотел быть... В теоретических своих положениях Свечин всячески восстает против возможности наступления Красной Армии против капиталистических стран. Сознательно или бессознательно он является агентом интервенции империализма...»³⁵

Итоги дискуссии оказались трагическими для «оборонцев». В 1930-х годах практически всех их обвинили в измене Родине и репрессировали. Стратегическая же оборона, за необходимость которой ратовали «оборонцы», получила малопочтенный эпитет «подлой». Исходя из убеждения о непрочности и нестабильности тыла противника в будущей войне, советские генералы разрабатывали сугубо наступательную военную доктрину РККА. Все военно-академические курсы перед войной восхваляли достоинства наступления, активности, захвата инициативы. Именно тогда и появился на свет печально знаменитый лозунг «Бить врага на его территории!». «Если война будет, — писал один из оппонентов Свечина, — то мы, конечно, поступим по указанию вождя Красной Армии, который сказал, что

³⁴ Там же. С. 257.

³⁵ Цит. по: Ю. А. Щетинов, Б. А. Старков. Красный маршал: Исторический портрет Михаила Тухачевского. М., 1990. С. 236.

³³ Там же. С. 259.

мы должны добиться такого положения, чтобы воевать не на своей, а на чужой земле»³⁶.

Таким образом, советская военная теория накануне Великой Отечественной войны так и не разработала должным образом формы и способы ведения стратегической обороны. Полностью отсутствующими в арсенале советской военной теории оказались вопросы вывода из окружения крупных войсковых сил, а вопрос о контрнаступлении в ней даже не

ставился. А между тем теоретические основы недооценки стратегической обороны были заложены еще Фрунзе, в его доктрине революционной наступательной войны. Кроме того, при непосредственном влиянии Фрунзе и Тухачевского произошло навязывание вооруженным силам идеологизированной, основанной на догматическом классовом подходе и, как следствие, небоеспособной доктрины, ориентированной на решающую роль РККА в развитии мировой революции. Все это обернулось величайшей трагедией Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. ◆

³⁶ «Против реакционных теорий на военно-научном фронте: Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина». М., 1931. С. 73.